Текст · 13 ноября 2019, 07:53
Виталий Васильченко,

Люстрация не то, чем она кажется. Как страны Восточной Европы разбирались со своим недавним прошлым

Люстрация — да или нет? «Медиазона» и *Deutsche Welle* изучают опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, перед которыми уже 30 лет назад встал вопрос о том, как реформировать безнадежно скомпрометировавший себя государственный аппарат и не допустить к власти тех, кто был причастен к преследованию инакомыслящих. В первом материале этой серии Виталий Васильченко рассказывает, как легко люстрация, не выполнив своей изначальной задачи, может превратиться в инструмент политической борьбы.

Доярки требуют смерти

Громкие судебные дела над бывшими функционерами коммунистических режимов — большая редкость; сегодня большинства из них уже давно нет в живых. Но в середине двухтысячных одним из главных событий в Чехии стал суд над Людмилой БрожовойПоледновой, которая исполняла роль народного прокурора на одном из главных показательных процессов в коммунистической Чехословакии. Новому чешскому правосудию потребовалось больше полувека, чтобы привлечь ее к ответу.

В вине 86летней, практически утратившей зрение и слух БрожовойПоледновой, сомнения не было ни у кого — знаменитая обвинительная речь народного прокурора, в которой она потребовала высшей меры наказания для «предателей народа», вошла в историю, а жертвы того процесса стали частью нарратива о сопротивлении коммунизму.

В начале 1950х борьба нового коммунистического руководства Чехословакии была направлена в первую очередь против католической церкви, сопротивлявшихся коллективизации крестьян и некоммунистической оппозиции. Для борьбы с последней Министерство национальной безопасности инициирует несколько показательных процессов в лучших традициях СССР.

Самым громким из них становится суд над «социалдемократическим подпольем»: 13 известных политиков обвиняют в шпионаже в пользу буржуазных стран. Среди обвиняемых — Милада Горакова, активная участница антигитлеровского сопротивления, пережившая два года в концлагере Терезиенштадт. После Второй мировой войны Горакова становится одним из лидеров Чешской социалистической партии и добивается широкой известности в качестве председательницы Совета женщин Чехословакии — важной институции во все еще преимущественно аграрной и патриархальной стране. Протестуя против захвата власти коммунистами в 1948 году, Горакова слагает с себя полномочия депутата парламента и перестает участвовать в политической жизни Чехословакии. Ее арест в 1949 году становится неожиданностью даже для ушедших в подполье однопартийцев.

Всем 13 подсудимым ставят в вину подготовку терактов при поддержке либеральной чехословацкой эмиграции и попытку государственного переворота на деньги Запада. После многонедельных допросов и пыток все они, за исключением Гораковой, полностью признают свою вину.

Процесс сопровождает первая в истории страны пропагандистская кампания, организованная Коммунистической партией Чехословакии: в прессе ежедневно публикуются письма рабочих, доярок, школьников и ударников труда — вся страна на страницах подконтрольной коммунистам прессы требует расправы над «предателями». Помимо официального государственного обвинителя на процессе в качестве выразительницы «воли рабочего

класса» выступает та самая народный прокурор ЛюдмилаБрожоваПоледнова — 28летняя девушка только закончила двухмесячные юридические курсы для рабочих и поступила в университет, но уже имеет репутацию безупречной и безжалостной к классовому врагу коммунистки.

Четверых обвиняемых, в том числе Миладу Горакову, суд приговаривает к смертной казни. Несмотря на всемирную кампанию в поддержку политических заключенных и личных обращений супруги президента США Элеонор Рузвельт и ученого Альберта Эйнштейна, казнь приводится в исполнение. Своим палачам Горакова без колебаний заявляет, что проиграла бой с системой, но уходит с честью и любовью к своей стране. В посткоммунистической Чехии вокруг нее складывается целый культ — мало в каком городе не найдется названной именем Гораковой улицы.

Спустя полвека народный прокурор Людмила БрожоваПоледнова прибудет отбывать свой срок в ту же тюрьму, где когдато казнили Миладу Горакову — в 2008 году, несмотря на тяжелое состояние здоровья, суд приговорил престарелую БрожовуПоледнову к 8 годам заключения. В процессе, который шел с 2006 года, она практически не участвовала и дала лишь один комментарий журналистке газеты *Lidové noviny* («Народные новости»): «Почему я должна чувствовать себя виноватой? Я боролась за Чехословацкую республику и общество, в котором не было бы безработицы. Я всегда была против социального неравенства и до сегодняшнего дня убеждена в виновности Гораковой. <...> Во времена Холодной войны были жертвы с обеих сторон, и я

готова отсидеть за свои убеждения хоть 15 лет, хотя это вынуждает меня дожить до ста».

Приговор БрожоваПоледнова прокомментировала скорее безучастно: «Мне все равно, где умирать. А если я буду в тюрьме, то у моих близких исчезнет необходимость заботиться обо мне». Председательница Конфедерации политзаключенных Надя Кавалирова осталась довольна решением суда: «Это своего рода сатисфакция. Справедливость в нашей стране, хоть и сложными и хлопотными путями, но находит себе дорогу».

Защита безуспешно пыталась оспорить решение суда. Адвокаты настаивают: доказать прямое участие БрожовойПоледновой в принятии решения о казни Гораковой и других социалдемократов стороне обвинения так не удалось. Ее задача на показательном процессе имела скорее пропагандистский характер — как можно более доступно и эмоционально объяснить трудовому народу, что смертная казнь будет справедливым наказанием. БрожоваПоледнова была слишком молода, настаивают защитники, чтобы понимать последствия своих действий, будучи всего лишь маленьким винтиком в аппарате коммунистического правосудия. К тому же, она тяжело больна — и тюрьма означает для нее смертный приговор.

По словам историка Томаша Бурсика, тюремное заключение в деле БрожовойПоледновой имело для чешского общества в середине нулевых скорее второстепенное значение. Намного важнее был сигнал о том, что посткоммунистическое государство

готово признать: жизнеспособность системы поддерживали не только высокопоставленные аппаратчики и спецслужбы, но и судьи, юристы и чиновники, несущие ответственность за преследования тысяч невинных людей в 1950х. С другой стороны, БрожовойПоледновой попросту не повезло стать долгожительницей — в противном случае об ее участии в процессе над Гораковой никто бы и не вспомнил.

Через два года после приговора президент Чехии Вацлав Клаус помиловал БрожовуПоледнову в связи с состоянием здоровья. Еще через год Европейский суд по правам человека отклонил ее жалобу, не обнаружив в деле дискриминации, нарушения права на справедливый суд или незаконное наказание (статьи 6, 7 и 14 Конвенции) и согласившись с мнением чешских властей — последние интерпретируют свои обязательства таким образом, что Конвенция не распространяется на участников политических судов над оппонентами в недемократических режимах.

Людмила БрожоваПоледнова скончалась в 2015 году в возрасте 93 лет— по сей день она остается единственной осужденной в Чехии за преступления коммунистического режима. После победы Бархатной революции в Чехословакии много обсуждали люстрационные законы, которые в итоге и были приняты, но люстрацию не стоит путать с судебными процессами над бывшими функционерами коммунистических режимов — во всех странах Восточной Европы такие процессы остались лишь единичными случаями.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Это громкое слово — люстрация

После падения коммунизма в странах Восточной Европы их новые политики столкнулись с конкретным запросом общества — выстроить на обломках старого режима правовое государство, обеспечивающее права и неприкосновенность своих граждан по образцу классической либеральной демократии. Результаты сильно отличаются от государства к государству, и решающими факторами здесь становятся степень интеграции старых элит в новые и то, насколько гражданское общество осознает себя участником политического процесса.

Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния, страны экс‑Югославии и государства Балтии хоть и внимательно смотрят на опыт друг друга, каждая посвоему отвечает на вопросы, связанные с правовой проработкой недавнего прошлого. Что делать с ответственными за репрессии? Как обращаться с исполнителями приказов? А с жертвами режима? Запрещать ли коммунистическую партию? А символы коммунизма? Открывать ли архивы спецслужб?

Каждый из этих вопросов становится камнем преткновения и объектом ожесточенной политической борьбы — особенно острой, когда поднимается неизбежный вопрос о том, как избежать

попадания во власть в обновленном государстве тех, на ком держался прежний режим. Вопрос о люстрации.

Люстрация в посткоммунистических странах Восточной Европы оказалась связана в первую очередь с выявлением тех, кто сотрудничал со спецслужбами, и последующим запретом для них занимать определенные должности (как правило, на государственной службе). При этом массово увольнять исполнителей — тех, например, кто работал в полиции или пограничной службе — не стали ни в одной из стран бывшего Восточного блока. Исключение составила только бывшая ГДР, которая не рассматривается в этой статье изза специфической правовой ситуации после объединения Восточной и Западной Германии.

Принятые обновленными государствами люстрационные законы (Чехословакия, Латвия и Литва 1991, Болгария 1992, Венгрия 1994, Албания и Эстония 1995, Польша 1997, Сербия 2003) были тесно связаны с расстановкой политических сил в регионе и существенно отличаются по содержанию — к примеру, в Чехии люстрация затронула сотрудников государственных медиа, а в Болгарии — профессорский состав университетов.

С одной стороны, многие наблюдатели и исследователи сходятся в мнении о том, что наиболее успешно люстрационные законы были реализованы там, где номенклатуре и аппаратчикам не удалось в полной мере сохранить свое влияние во время переходного периода. Впрочем, со временем реальность становится несколько сложнее: даже в

Чехии в итоге выходцы из коммунистической партии смогли выстроить полуолигархическую систему и стать опорой президента Милоша Земана.

С другой стороны, чем радикальнее люстрационное законодательство — тем проблематичнее оно с точки зрения международных обязательств, взятых на себя посткоммунистическими странами. Люстрации не раз становились предметом разбирательства в Европейском суде по правам человека и в большинстве случаев были признаны несовместимыми с Европейской конвенцией о защите прав человека. Критиковали люстрации и Евросоюз, и многочисленные международные организации, в том числе и ООН.

Любопытно, что ни один из текстов люстрационных законов не содержит самого термина «люстрация». Первый подобный закон в Восточной Европе был принят в Чехословакии в 1991 году с мало что говорящим о его содержании заголовком: «Закон, предписывающий определенные дополнительные необходимые предпосылки для занятия определенных выборных и назначаемых должностей в государственных органах и организациях».

Чехословакия: образцово-показательная люстрация

Как принимался закон о люстрации. Основой для разработки люстрационного законодательства в Чехословакии стали начатые еще задолго до Бархатной революции обсуждения

коллаборационизма во время Второй мировой войны («Декреты Бенеша») и вопросы реабилитации жертв политических процессов, поднятые с началом Пражской весны 1968 года.

Уже в 1991 году министр юстиции Чехословакии получил право снимать с должности судей, которые во время коммунистической диктатуры «нарушили принцип непредвзятости и беспристрастности» или «принимали противоречащие закону решения во время своей судебной практики». Кроме того, судьи могли быть освобождены от службы при «недостатке необходимых компетенций». Похожие положения коснулись и прокуроров. Между 1990 и 1992 годом примерно треть судей страны (484 человека из 1460) оставили службу; в прокуратуре было уволено более 63% прокуроров. Впрочем, эта статистика не учитывает, были ли уволены судьи и прокуроры министром юстиции в рамках его люстрационных полномочий, или же они ушли по собственному желанию.

Официальный люстрационный закон, вводящий «определенные предпосылки для определенных должностей в новой демократической системе» Чехословакия принимает в октябре 1991 года. Президент страны Вацлав Гавел выступал против принятия закона, полагая, что отдельные его положения оставят без работы сотни людей и усилят враждебность в обществе. С ним был согласен и архитектор Пражской весны Александр Дубчек, занявший в новой Чехословакии пост председателя Федерального собрания: изначально текст закона подразумевал, что под люстрацию попадут даже функционеры «социализма с человеческим лицом»,

многие из которых после 1968 года ушли в диссидентство. Принятый в итоге закон все же делает для них исключение, но это не мешает Дубчеку активно агитировать против люстрации — он даже передает Международной организации труда доклад, в котором утверждает, что в результате более миллиона человек потеряют работу.

Кто подпадал под его действие. Государственные служащие, которые занимают как выборные — включая президента и депутатов парламента — так и назначаемые должности. А также высокопоставленные офицеры армии и полиции, сотрудники государственных медиа и менеджмент компаний, которые торгуют оружием или в которых государство владеет контрольным пакетом. Закон не относился к тем, кто не достиг 18 лет к осени 1989 года — началу Бархатной революции.

Как работал этот закон. Те, кто уже находится на государственной службе или только хочет поступить на нее, должны были предоставить два документа: люстрационный сертификат и письменное заявление под присягой — если что-то из них свидетельствовало о сотрудничестве с режимом, человек не мог претендовать на должность или должен был ее покинуть.

Сертификат выдавался министерством внутренних дел и представлял из себя архивную выписку из личного дела на предмет сотрудничества с определенными отделами внутри спецслужб и полиции. Если фактов сотрудничества (*kolaborace* на чешском) не было выявлено, на руки выдавался негативный сертификат.

В письменной присяге необходимо было указать на определенные типы сотрудничества с коммунистическим режимом, не связанные напрямую со спецслужбами. Сюда подпадали, например, работа в народной милиции — парамилитаристской организации Коммунистической партии, в народных комитетах, ответственных за подавление Пражской весны, обучение в университетах СССР, связанных с подготовкой идеологических кадров. За указание недостоверной информации предусматривалось уголовное наказание (до четырех лет лишения свободы).

Важно, что процесс люстрации проходил непублично — публикация люстрационных сертификатов не разрешалась без письменного разрешения люстрируемого. Более того, незаконная публикация имен каралась заключением до трех лет — это стало большим шагом навстречу всем, кто проходил через эту процедуру.

Таким образом, получившим позитивный сертификат предоставлялась возможность уйти в отставку, не заявляя публично о своем сотрудничестве с коммунистическим режимом.

От утечек это не уберегло: уже в 1992 году неполный лист «коллаборантов» публикует известный диссидент Петр Цибулька — и остается безнаказанным.

Сколько человек прошли люстрацию. В 2009 году общее количество выданных МВД Чехии с 1993 года — момента распада Чехословакии на два государства — люстрационных сертификатов достигло полумиллиона — позитивными оказались около 2% из них (не больше 10 тысяч человек). Со статистикой здесь снова проблемы: вопервых, выдача позитивных люстрационных сертификатов не значит, что эти люди были вынуждены оставить госслужбу, цифры не учитывают тех, кто подал запрос ради интереса; вовторых, статистика не учитывает письменные присяги — то есть тех, кто сотрудничал с режимом формально за рамками спецслужб.

По оценкам бывшего диссидента Вацлава Бенды, одного из главных апологетов первого закона о люстрации, с госбезопасностью сотрудничали от 60 до 80 тысяч чехов и словаков, примерно столько же работали в народной милиции, еще примерно 50 тысяч человек состояли в так называемых Народных комитетах, занимавшихся чисткой политически неблагонадежных кадров после подавления Пражской весны. Бенда называет цифру в 300 тысяч человек (без учета судей и прокуроров), которые активно участвовали в преступлениях коммунистического режима.

Люстрация сегодня. После разделения Чехословакии на два государства в конце 1992 года к власти

в Словакии пришли силы, тесно связанные со спецслужбами и прежними коммунистическими элитами, явно не заинтересованные в продолжении чисток. После окончания срока действия закона в 1995 году разговоры о возобновлении люстрации практически не поднимались.

Предполагалось, что люстрация станет лишь временной мерой транзитного периода — перехода от коммунизма к демократии с последующим вступлением в Европейский союз. Тем не менее в 1995 году в Чехии закон о люстрации был продлен на следующие пять лет, а в 2000м он становится бессрочным, более того, парламент отдельным законом обязал министерство внутренних дел сделать «список коллаборантов» публичным — сейчас открытые архивы госбезопасности постепенно оцифровываются и становятся доступны онлайн.

В обоих случаях действующий президент Гавел пытался наложить вето — и каждый раз оно преодолевалось парламентским большинством. Социологические опросы стабильно показывают: чуть больше трети чехов поддерживает люстрацию, треть выступает против, еще одна треть — не имеет позиции.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Венгрия: люстрация-лайт

Как принимался закон о люстрации. Венгрия, где в начале 1980х победу во внутрипартийной борьбе одержали сторонники реформ, переходила к демократии не революционным, а эволюционным путем при сохранении преемственности политических элит. Организованный по польской модели «Круглый стол»[1] заканчивается тем, что внесистемную оппозицию допускают к выборам и дают ей возможность стать частью элиты.

Венгерскую коммунистическую диктатуру — в сравнении с другими странами Восточного блока — в целом можно охарактеризовать как мягкую. Начиная с 1960х годов репрессии больше не угрожают жизни оппозиционеров. Система Яноша Кадара-[2] оставалась авторитарной, но делала ставку на деполитизацию жизни — в частности, для карьеры чиновника не нужен был даже партийный билет, а от населения требовалось лишь неучастие в оппозиционном движении. В итоге ко времени падения режима гражданское общество не видело особой необходимости в возмездии, и проработка прошлого начиналась скорее по инициативе сверху. Однако люстрации она касалась в меньшей степени: в первую очередь речь шла о реституции и компенсациях жертвам режима — причем так детально и последовательно этими вопросами не занималась ни одна другая посткоммунистическая страна Восточной Европы.

Люстрация в Венгрии практически не касается чиновников — хотя бы потому, что, вопервых, «декоммунизация» сотрудников госсектора бы парализовала работу государства, а вовторых,

должности функционеров среднего и нижнего уровня не казались обществу политическими.

И хотя в результате поэтапного перехода к демократии в Венгрии ликвидируют коммунистические спецслужбы, их сотрудники большей частью переходят на работу в заново созданные силовые структуры — и, что примечательно, в дальнейшем во время люстрационных процессов свидетельствуют против ими же завербованных политиков и интеллектуалов.

В итоге мишенью люстрации становятся в первую очередь высокопоставленные должностные лица и партийные аппаратчики. Уже в 1990 году парламент принимает закон, обязывающий этих политиков предъявить декларацию об имуществе, в которой необходимо доказать, что их собственность получена законно, а не в результате коррупционных схем или незаконных привилегий. Но еще до вступления закона в силу его признает недействительным Конституционный суд. Только в 1994 году парламент принимает закон о люстрации, задача которого — выявить связи политиков и культурной элиты с политической полицией и сделать их публичными.

Кто подпадал под его действие. После долгих споров с Конституционным судом закон определил такой круг лиц: депутаты парламента, президент, члены правительства, государственные секретари, руководство Национального банка и антимонопольной службы, судьи, прокуроры, руководители и сотрудники государственных СМИ, а также люди, ответственные за редакционную политику в частных медиа. Последние ожидаемо

становятся предметов жарких споров: насколько в этом случае общественный интерес оправдывает вмешательство государства в частный сектор? Но на этот раз скорее скептически настроенный к люстрации Конституционный суд занимает сторону парламентариев.

Как работал этот закон. Специально сформированная люстрационная комиссия по собственной инициативе заводила расследования, которые на основе архивов спецслужб (и, при необходимости, допросов бывших агентов политической полиции) должны были выявить, сотрудничали ли подозреваемые с так называемым «третьим отделением третьего отделения» Министерства внутренних дел, которое занималось политическим сыском. Подозреваемых уведомляли о начале расследования и его результатах; им предоставлялось право на юридическую помощь, а также возможность оспорить решение комиссии в суде в закрытом режиме.

Люстрации подлежали те, кто принимал на себя письменные обязательства о сотрудничестве со спецслужбами, составлял отчеты или доносы, а также получал от политической полиции любую материальную выгоду. Если такой факт был выявлен, у человека оставалась возможность уйти в отставку по собственному желанию. В противном случае его дело в течение 30 дней публиковалось в официальной правительственной газете *Magyar Közlöny* («Венгерская газета»).

Никаких других правовых последствий или увольнений за этим не следовало. В этом

и заключалась основная цель люстрационного законодательства в Венгрии — граждане должны знать, кто управляет страной и общественным мнением.

Сколько человек прошли люстрацию. Несмотря на более чем скромный состав — на пять судей, выбранных парламентом и прошедших люстрационную проверку, приходилось всего по одному секретарю и архивному специалисту — комиссии удалось в довольно короткие сроки последовательно пройтись по всем выделенным в законе группам. Впрочем, без неловкостей не обошлось: еще до начала работы комиссии стало известно, что как минимум двое судей, которые формально удовлетворяли всем требованиям закона, оказались скомпрометированы участием в показательных процессах над антикоммунистической оппозицией в 1950х; им пришлось сложить полномочия.

Количество людей, прошедших через люстрации в Венгрии, не поддается точной оценке: при отрицательном итоге расследования или своевременной отставке обвиняемого акты остаются закрытыми. В то время немногочисленные предложения опубликовать поименные списки списков наталкиваются на сопротивление Конституционного суда. Кажется, что проблема люстрации и персональной ответственности за коммунистическое прошлое остается уделом узкой группы критически настроенных интеллектуалов.

В целом же в венгерском обществе сохраняется высокий уровень толерантности к политикам

и интеллектуалам, о которых становится известно, что они сотрудничали с политической полицией. Сомнительное прошлое не мешает выиграть выборы и занять пост премьер - министра страны ни Дьюле Хорну (19941998), ни Петеру Медьеши (20022004). Хорн в 1956 - 57 годах был участником прокоммунистических парамилитаристских объединений (*karhatalmista*), которые проводили насильственные акции против участников протестов. Медьеши же, по собственному признанию, работал в контрразведке.

Люстрация сегодня. Действие венгерского закона о люстрации закончилось в 2005 году — ему на смену пришел закон, открывающий архивы спецслужб для исторических исследований. Благодаря ему историки выяснили, что известный кинорежиссер и оскаровский лауреат Иштван Сабо долгое время работал информатором политической полиции.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Польша: люстрация и политическая борьба

Как принимался закон о люстрации. Переход от коммунизма к парламентской демократии происходит в Польше по итогам так называемого «Круглого стола» — переговоров о будущем страны между профсоюзным движением и членами политбюро в первой половине

1989 года, которые приводят к началу конституционных преобразований. В следующем году Коммунистическая партия Польши объявляет о самороспуске, а по итогам выборов первым президентом демократической Польши становится председатель профсоюза «Солидарность» Лех Валенса.

Такой мирный процесс передачи власти, казалось бы, должен был определить и характер правовой проработки прошлого — однако именно в Польше вопросы реституции, компенсаций жертвам режима, запрета коммунистической символики и, безусловно, люстрации сразу же становятся инструментом политической борьбы. Каждая смена правительства с новой силой возобновляет дискуссии о персональной ответственности за преступления коммунизма.

При этом в правовой системе Польши до сих пор отсутствует закон, который бы формально объявлял проект коммунистического общества закрытым и налагал бы на государство обязательства о каких бы то ни было компенсациях жертвам режима. Только в 1998 году Сенат своим указом объявил незаконными и утратившими юридическую силу отдельные правовые нормы, вступившие в силу с 1944 по 1989 год и по большей части касавшиеся прав и свобод граждан.

В отличие от Чехословакии и Венгрии, Служба безопасности МВД — польская политическая спецслужба во времена коммунизма — имела гораздо больше влияния и, пожалуй, в большей степени напоминала КГБ методами своей работы и развитым репрессивным аппаратом. Разрешения

на заграничные поездки, карьерный рост, доступ к высшему образованию и другим привилегиям — все эти вопросы решались в Службе безопасности, которая к 1970м годам создала широкую сеть информантов, инфильтрированных во все слои общества. Сложившаяся в итоге репутация могущественной спецслужбы со множеством агентов привела к тому, что люстрационное законодательство в Польше оказалось одним из самых запутанных и политизированных в Восточной Европе.

Уже в 1992 году польский Сейм — нижняя палата парламента — обязал министра внутренних дел предоставить ему архивную информацию о государственных служащих (на уровне правительств регионов), сенаторах и депутатах Сейма, а также судьях, прокурорах и адвокатах, которые с 1945 по 1990 год были информаторами Службы безопасности или в любом другом виде сотрудничали со спецслужбами.

В итоге был опубликован так называемый «список Мацеревича», названный по имени занимавшего тогда пост главы МВД Антония Мацеревича, спровоцировавший политический кризис и отставку правительства: согласно архивным данным, многие известные политики из «Солидарности» вплоть до падения режима сотрудничали со Службой безопасности. Спорность списка заключалась в том, что он представлял собой лишь перечень имен без конкретных деталей, рассказывающих о форме и длительности сотрудничества. Вскоре Конституционный суд объявил список антиконституционным и запретил принимать любые постановления на его основе.

Пришедшее к власти в Польше правительство Союза демократических левых сил, во многом состоявшее из бывших коммунистов, последовательно уклоняется от принятия люстрационных законов. Только в 1997 году депутатам удается провести первый такой закон через парламент — он обязал подписывать люстрационную декларацию тех, кто занимает определенные выборные и назначаемые должности.

Кто подпадал под его действие. Круг подлежащих люстрации был немного шире, чем, например, в Чехословакии или Венгрии: так, он включал в себя не только профессорский состав университетов, но и всю администрацию высших учебных учреждений и всех надзорных инстанций, связанных с образованием. И не только главных редакторов государственных СМИ, но и членов советов директоров, руководители отделов и руководство региональных точек теле- и радиовещания.

Как работал этот закон. В люстрационной декларации было необходимо указать все факты и характер сотрудничества со Службой безопасности и еще десятком учреждений, которые так или иначе участвовали в преследованиях поляков во времена коммунизма. Положительная декларация сама по себе не вела ни к каким правовым последствиям — только к публикации данных в правительственной газете. Закон предусматривал санкции только в случае утаивания сотрудничества с политической полицией — пойманные на этом теряли право занимать любую должность в госсекторе в течение десяти следующих лет.

Польша создает специальный люстрационный суд в Варшаве и должность уполномоченного общественного интереса (он же люстрационный прокурор). Последний должен представлять на закрытых процессах гражданское общество и при малейших сомнениях в достоверности информации проводить независимое расследование — уполномоченному был предоставлен неограниченный допуск во все архивы госбезопасности. Решение люстрационного суда можно было оспорить во второй инстанции.

Сколько человек прошли через люстрацию. К 1999 году через процедуру люстрации в Польше прошли около 23 000 человек, по разным оценкам, около 2% всех деклараций были положительными — хотя точная статистика так и не была опубликована.

Люстрация сегодня. Предусмотренный законом о люстрации 1997 года механизм был основан на прочном политическом компромиссе между

представителями новой и старой элиты. Тем не менее люстрация довольно быстро оказывается в центре скандалов — так, в 2004 году журналист Бранислав Вильштейн получил доступ в прежде закрытые архивы спецслужб, которые передаются в специально учрежденный Институт национальной памяти. Нарушив все возможные правила пользования архивом, он опубликовал список из почти 163 000 человек, которые якобы сотрудничали со Службой безопасности, среди которых — известные политики, ученые, интеллектуалы и публичные люди.

Для создания своего списка Вильштейн обратился к не самым надежным источникам — он включил в него не только подтвержденных информантов госбезопасности, но и тех, кого сотрудники исторической комиссии по ряду признаков отнесли к числу людей, которые, возможно, могли сотрудничать со спецслужбами.

Но очередной политический скандал было уже не остановить — в 2005 году требование более жесткого преследования сотрудничавших с госбезопасностью становится ведущей темой предвыборной кампании консервативной партии «Право и Справедливость» братьев Качиньских, которой удается добиться большинства голосов.

Уже в следующем году новая власть ужесточает люстрационное законодательство. Если по прежнему закону подозреваемые в сотрудничестве с органами госбезопасности могли рассчитывать на оправдательное решение при условии, что между 1945 и 1989 годом существовал какойлибо закон, обязывающий их контактировать со Службой

безопасности, то теперь это положение было отменено.

Более того, «Право и Справедливость» вступает в открытый конфликт с Конституционным судом, требуя распространить действие закона на главных редакторов и журналистов каждого польского медиа, весь научный персонал в университетах, директоров частных школ, налоговых аудиторов, судебных приставов и тренеров в профессиональном спорте. Несмотря на громкие обвинения в предательстве национальных интересов, суд признает эти положения противоречащими принципам правового государства.

И все же Конституционный суд признал законным положение, которое обязывает всех пройти люстрацию по второму разу. Теперь полномочия переходят прокурорам Института национальной памяти, которые обязаны проверять на достоверность все без исключения люстрационные декларации. Польский закон о люстрации от 2006 года до сих пор действует — однако Институт национальной памяти не публикует статистику, ссылаясь на защиту персональных данных.

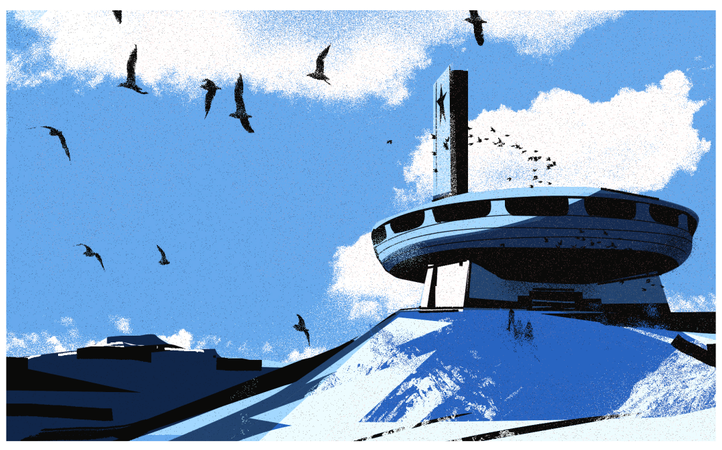

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Люстрации в других странах Восточной Европы

Модели Чехословакии, Венгрии и Польши задают пример люстрационных практик и зачастую перенимаются другими посткоммунистическими странами, конечно, с учетом их региональной повестки. Масштаб люстрации сильно зависит от нескольких факторов — формата перехода к демократическому режиму, восприятия коммунистического прошлого политиками и обществом и преемственностью элит. Другой важный момент — сохранность архивов спецслужб: так, в странах Балтии большая часть архивов КГБ вывозится в Москву.

В Болгарии люстрация понимается как публичное разоблачение бывших информаторов спецслужб и удар по их репутации, который не влечет за собой никаких правовых последствий. Принятый в 1992 году закон не требовал от люстрируемых оставлять посты на государственной службе и имел косвенное значение разве что для депутатов парламента и членов правительства — информация о сотрудничестве с политической полицией обычно использовалась оппонентами по политической борьбе.

Люстрационные положения проникали в отдельные законопроекты: например, депутаты предлагали запретить членам бывшей коммунистической партии в течение 15 лет после падения режима занимать управляющие посты в банках — но такие запреты один за другим признавались Конституционным судом недействительными. За исключением действующего закона о СМИ, который запрещает бывшим сотрудникам спецслужб и их информаторам занимать любые посты

в Национальном совете по делам СМИ и государственных теле- и радиокомпаниях.

В 2005 году парламент внес поправки в закон о люстрации и сделал прежде закрытые архивы доступными для специально созданной комиссии исследователей, задача которых — выявить агентов спецслужб среди известных политиков прошлого и настоящего. Результаты работы комиссии историков доступны онлайн.

В Румынии попытки провести эффективную люстрацию в госсекторе неоднократно и с треском проваливаются: в стране формально принимаются люстрационные законы, которые впоследствии признаются неконституционными — так было, в частности, с законом о судьях и прокурорах. С другой стороны, румынский закон о доступе к архивам спецслужб, дающий каждому гражданину право направить запрос о факте сотрудничества действующих политиков и сотрудников СМИ со спецслужбами, считается одним из самых эффективных в Восточной Европе.

Люстрационные законы стран Балтии заслуживают отдельного внимания. В Эстонии, Латвии и, в особенности, Литве в конце 1990х и начале 2000х парламенты активно принимают подчас спорные законы, связанные с правовой проработкой прошлого. Во многом следуя чешской модели, парламенты Литвы и Латвии пытаются распространить круг лиц, подлежащих люстрации, на все руководящие должности в государственном и частном секторе, а также ограничить бывших агентов и информантов спецслужб в

избирательных правах. Впрочем, подобные меры довольно быстро признаются неконституционными и противоречащими Европейской конвенции о правах человека. Со временем вопрос люстраций перестает играть важную роль в перенявшей польскую модель Эстонии. В Латвии и Литве же споры о необходимости более жесткого законодательства и новые расследования в отношении высокопоставленных политиков продолжаются по сей день.

Источники

Schroeder, Friedrich-Christian, and Herbert Küpper. Die Rechtliche Aufarbeitung Der Kommunistischen Vergangenheit in Osteuropa. Frankfurt Am Main Wien [u.a.]: Lang, 2010.
Werle, Gerhard, and Moritz Vormbaum. Transitional Justice. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2018. Springer-Lehrbuch.
Mihr, Anja ; Pickel, Gert ; Pickel, Susanne. Handbuch Transitional Justice. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. Springer Reference Sozialwissenschaften.
David, Roman. Lustration and Transitional Justice: Personnel Systems in the Czech Republic, Hungary, and Poland. Philadelphia, Pa.: U of Pennsylvania, 2011. Pennsylvania Studies in Human Rights.
Unverhau, Dagmar. Lustration, Aktenöffnung, Demokratischer Umbruch in Polen, Tschechien, Der Slowakei Und Ungarn: Referate Der Tagung Des BStU Und Der Akademie Für Politische Bildung Tutzing Vom 26. — 28.10.1998. 2., Durchges. Aufl.. ed. Münster [u.a.]: Lit, 2005.

Dvořáková, Vladimíra. Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe. Zagreb: CPI, 2007. Print. Ser. of Political Science Research Centre Forum
Mink, and Mink, Georges. History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe : Memory Games. 1. Publ. ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.
Mark, James. The Unfinished Revolution: Making Sense of Communist past in Central-Eastern Europe. New Haven, Conn. [u.a.]: Yale U, 2010.
Mayer-Rieckh, A., Greiff, P.D., Justice as Prevention: Vetting Public Employees in Transitional Societies. Social Science Research Council, New York, 2007.
Keghelde, Isabelle De. Auf Den Kehrichthaufen Der Geschichte?: Der Umgang Mit Der Sozialistischen Vergangenheit. Hannover: Hahn, 1999.
Großbölting, and Großbölting, Thomas. Das Ende Des Kommunismus: Die Überwindung Der Diktaturen in Europa Und Ihre Folgen. 1. Aufl. ed. Essen: Klartext, 2010.
Knodt, Michèle and Sigita, Urdze. Die Politischen Systeme Der Baltischen Staaten: Eine Einführung. Wiesbaden: VS Verlag Für Sozialwissenschaften: Imprint: VS Verlag Für Sozialwissenschaften, 2012.
Rathkolb, Oliver. Geschichtspolitik Im Erweiterten Ostseeraum Und Ihre Aktuellen Symptome: = Historical Memory Culture in the Enlarged Baltic Sea Region and Its Symptoms Today. Göttingen [Wien]: VR Unipress Vienna U, 2011.
Williams, Melissa., Rosemary. Nagy, and Jon Elster. Transitional Justice. New York: NYU, 2012. Nomos; 51.
United Nations. Office of the High Commissioner for Human Rights, Author, Issuing Body. Transitional

Justice and Economic, Social and Cultural Rights. New York; Geneva: United Nations, 2014.
Williams, Kieran; Szczerbiak, Aleks; Fowler, Brigid. Explaining Lustration in Eastern Europe: A Post-Communist Politics Approach. SEI Working Paper No. 62. Brighton, UK: Sussex European Institute.

Редактор: Егор Сковорода

1. Так назывались переговоры между властями Польской Народной Республики и оппозиционным профсоюзом «Солидарность», проходившие в Варшаве в начале 1989 года.

2. Фактический руководитель Венгерской народной республики, занимавший пост генсека Венгерской социалистической рабочей партии с 1956 по 1988 год.